

# ИСКРА

Пролетарият всѣхъ странъ  
соединяйтесь!

„Нашъ боръ возгорѣлся пламенемъ!“  
Отвѣтъ на послѣднее письмо

Центральный Органъ Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи

№ 65.

1-го мая 1904 г.

Годъ IV.

## „СТРОГОСТЬ НЕОБХОДИМА...“

Когда русская тихо-океанская эскадра терпѣла одно поражение за другимъ и когда русскіе моряки, несмотря на все свое несомнѣнное мужество, оказывались не въ состояніи причинить сколько нибудь значительный вредъ непріятелю, царское правительство и его ретивый убравъ Россію, что этимъ не нужно смущаться, такъ какъ надо идти по кругу, и въ военное счастье повернется въ нашу сторону, когда начнется сухопутная кампанія. Теперь же кампанія началась, и вопреки успокоительнымъ обѣщаніямъ телеграфъ снова и снова радуетъ насъ сообщеніемъ о японскихъ побѣдахъ. Наши окрестники дѣлаютъ видъ, что ихъ, нисколько не смущаятъ и эти печальныя для Россіи вѣсти.

Газета г. Грингуа съ ученымъ видомъ знатока говоритъ, что „отходъ нашихъ войскъ отъ Ялу былъ предрѣшенъ, повидимому, уже давно и составляетъ сдѣловательство, одно изъ частныхъ явленій общаго плана дѣйствій, съ которыми, быть можетъ, можно и не соглашаться, но который, несомненно, представляетъ собой нѣчто цѣльное и строго обдуманное“. Но этому вѣрять-ли повѣрять даже самые простодушные читатели „Московскихъ Вѣдомостей“. Если отходъ нашихъ войскъ отъ Ялу былъ предрѣшенъ, то, значитъ, мы было загромождали дорогу японцамъ, значитъ было начинать то сраженіе, которое по всѣмъ обстоятельствамъ дѣла не могло не закончиться для русскихъ неудачей? Или, можетъ быть, это неудачное сраженіе, эти тысячи убитыхъ и раненыхъ, эти орудія, доставшіяся непріятелю, этотъ новый подъемъ духа въ японской арміи оставались необходимою частью плана, „строго обдуманнаго“ нашими мудрыми военачальниками? Если — да, то это, конечно, хорошо; но въ такомъ случаѣ почему не пойти дальше и не сказать, что для выполнения этого оригинальнаго плана непремѣнно нужны были наши морскія неудачи до гибели адмирала Макарова включительно? Бумага все терпитъ. Правда, русский читатель уже не настолько простодушенъ, чтобы могъ поверить такимъ неслышимъ рассказамъ. Но вѣдь онъ не поверитъ и тому, что наше отступление отъ Ялу не было новой неудачей нашей арміи. Кто не видитъ теперь, что на самомъ дѣлѣ у царскаго правительства вовсе нѣтъ никакого серьезнаго плана; что оно было и остается готово къ той самой войнѣ, которую дѣлала великой ея же политика на Дальнемъ Востоке; что оно не только хорошо разсмотрѣло ни своихъ собственныхъ военныхъ средствъ, ни средствъ непріятеля? Это во всеуслышанье признаютъ даже тѣ наши публицисты, которые отнюдь не склонны критиковать дѣйствія предрѣшавшихъ властей и подыраютъ доверіе къ нимъ въ народѣ и обществѣ. „Мы съ благородной славянской честностью не говорили къ войнѣ, когда вели съ Японіей переговоры“, говоритъ г. Суворинъ въ № 10,106 „Новаго Времени“, забывая только прибавить, что подобную же „честность“ обнаружало правительство Николаева III въ томъ 1870 году, когда переговоры съ Пруссіей. Теперь ясно для всѣхъ, что переговоры съ Японіей гораздо хуже знаетъ Россія, чѣмъ Россія Японію... Мы, простые смертные, вообще знаемъ мало. Но очевидно, что и въ высшихъ сферахъ знали Японію мало. Мы не знали о большомъ развитіи въ нея техники, объ этой жаждѣ хвататься за всякое изобрѣтеніе въ Европѣ и тотчасъ же имъ пользоваться, не дожидаясь пока оно оправдаетъ себя. Трусысть китаевцевъ обманывала насъ и на счетъ храбрости японцевъ.\* Словомъ, наши „высшія сферы“ совсѣмъ не знали, какого противника выказываютъ они на бой своей политикой захвата чужихъ земель, хотя они обязаны были знать, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, и хотя исполненіе этой обязанности очень облегчалось для нихъ недавнимъ опытомъ войны Японіи съ Китаемъ. Душевно и нашъ публицистъ, что и этого простительный промахъ объясняется „благородной славянской честностью“. Это, бесспорно, очень лестное для насъ объясненіе. (Налъ только, что свѣтлая картина „славянской честности“ омрачается той „алчностью наживна“, на которую указываетъ самъ г. Суворинъ и которая, — приводя къ безчисленнымъ „идиотствамъ“ на всѣхъ многочисленныхъ ступеняхъ и во всѣхъ возможныхъ „вѣдомостяхъ“ нашей администраціи, — еще болѣе ослабляетъ и безъ того сравнительно слабую силу Россіи. Трудно представить себѣ, чѣмъ „честность“ этого рода могла нравиться кому нибудь, кромя „правящихъ сферъ“. И самъ публицистъ „Новаго Времени“ заканчиваетъ свое „маленькое письмо“ строками, дающими поводъ думать, что она начинаетъ находить себѣ въ насъ надежную опору.)

„Судите нашу распушенность, халатность, пренебреженіе долгомъ, нашими обязанностями къ обществу по порядку, къ пользамъ нашего отечества и Государя, — вызываясь онъ, — не судите не для праздныхъ проклятія, а для того, чтобы быть лучшими, благороднѣйшими, великими сынами Россіи!“ Стало быть, проклятія радуются? Противъ кого же они направляются? Не противъ той ли правительственной системы, которая господствуетъ въ нашей несчастной странѣ и которая какъ будто нарочно придумана для того, чтобы воспитывать въ своихъ представителяхъ

дѣла распушенность, халатность и пренебреженіе своими обязанностями по отношенію къ обществу по порядку? Очевъ на то похоже. Въ своемъ предшущемъ письмѣ (№ 10,105 „Н. В.“) г. Суворинъ уже сообщалъ намъ, что теперь русское общество начинаетъ скептически относиться не только къ обѣщаніямъ будущаго побѣды нашихъ надъ японцами, но и ко всей политикѣ, пришедшей настъ къ вооруженному столкновенію съ Японіей. Этотъ скептицизмъ уже самъ по себѣ долженъ прекращать наше общество къ сознанію той простой истины, что *отпавленность за вѣдствіи, переисаема Россіей, ибидетъ не на отпавленнаго свойства челоукаской природы, а на существованіи у насъ полнѣйшей моральности*.

Всегда возможно, правда, что это сознаніе далеко не у всѣхъ еще достигнуло надлежащей ясности и что весьма многіе изъ людей, „прокинувшихъ“ существующую въ настъ порятокъ, еще не успѣли возвыситься до отрицательнаго отношенія къ ихъ „малышевской оснотѣ“. Самъ г. Суворинъ въ своемъ разсужденіи свѣдѣваетъ отечество съ „государствѣ“ и отпавленности интересъ Россіи съ интересами господина, держаго обывающаго, „бесмысленными желаніями“ всякую мысль объ ограниченіи царской власти.

Не желая пускаться по этому поводу въ полемику собственно съ г. Суворинимъ, — отъ котораго мы никогда не ожидали ни правительнаго сужденія, ни сѣлаго слова, — мы мыслитъ, что *должна жьтти, самае самой застарѣлой неаполитичности имѣемъ*. Если севастопольскій погромъ въ корень подорвалъ систему Николая Перваго, то портъ-артурскій крахъ обмѣщаетъ дѣ основанія расшатать режимъ Николая Второго.

Г. Суворинъ приглашаетъ всѣхъ своихъ читателей быть строгими къ самимъ себѣ. „Строгость необходима, — хнычетъ онъ, — для нашего нравственія, чтобы не повторить нашихъ ошибокъ, заблужденій, волнѣхъ и невольныхъ, и пороковъ, чтобы не жить такъ какъ мы жили“. Намъ, — т. е. Россіи, — дѣйствительно нельзя жить такъ, какъ мы до сихъ поръ жили, потому что если мы будемъ продолжать жить такъ, то мы по роковой необходимости будемъ совершать ошибки, за которыя намъ приходится платить теперь страшно дорогой цѣной. И намъ дѣйствительно *необходима строгость* — необходима не для „праздныхъ“ нравственій, которая равно никому и равно ничему не поможетъ, а для *дѣйствительной борьбы съ царизмомъ*, который уже давно сталъ свѣдѣвшимъ прѣстѣломъ для внутренняго разлада Россіи, а теперь завладѣетъ ея въ безпощадную войну, грозящую ей цѣлымъ рядомъ непоправимыхъ обѣдствій. Въ этой борьбѣ мы на самомъ дѣлѣ должны быть „строги“ не только по отношенію къ прямымъ представителямъ господствующей въ насъ позорной политической системы, съ которыми у насъ не можетъ быть ни продолжительнаго мира, ни самого короткаго перемирія, — но также и по отношенію ко всѣмъ тѣмъ „загадочнымъ натурамъ“, которыя не признаютъ ни числу обывателей, мало разбавившихъ въ политическхъ пропастяхъ, и не становясь, прямо на сторону царскаго правительства, а порой носъ даже либеральнаго плаща, въ то же самое время увиливаютъ позиции царизма своимъ неразуміемъ, своей дѣлкостью, слабостью и непостоянностью. Люди этого разряда, — люди-трансы, люди-слиянія, какъ говаривалъ покойный А. И. Герценъ, — повидимому, еще долго у насъ не переведутся, и эти люди заслуживаютъ самаго строгаго осужденія, потому что дѣлу свободы они иногда, хотъ, можетъ быть, и незначительно, вредятъ болѣе, чѣмъ самые убѣжденные и упорные охранители.

Къ ихъ числу мы, къ искреннѣйшему нашему сожалѣнію, вынуждены отнести либеральнаго корреспондента либеральныхъ „Русскихъ Вѣдомостей“, г. Ш., который, подобно г. Суворину, не умѣетъ отличить отечество отъ начальства. Въ своемъ письмѣ отъ перваго апрѣля (см. н. 97 „Р. В.“) онъ, ссылаясь впечатлѣніе, произведенное на англичанъ гибелью „Петропавловска“, приводитъ мнѣнія тѣхъ „радикальныхъ“ англійскихъ изданій, которая въ вопросѣ о войнѣ „рѣшительно выступили сторонниками русскаго народа, сдѣлавъ соответственныя оговорки“ (Р. В. № 97). Какая же именно оговорки, г. корреспондентъ? Самой естественной и самой основательной изъ всѣхъ оговорокъ, возможныхъ въ настоящемъ случаѣ, является та, что войну съ Японіей ведетъ не русскій народъ, а его алчливый и опасливый варагъ — русское правительство; но съ точки зрѣнія этой оговорки вопросъ о томъ, на чью сторону должна стать англійская и всякая другая демократія представляется совсѣмъ не въ томъ свѣтѣ, въ какомъ его видятъ „Московскія Вѣдомости“. Г. Суворинъ, лондонскій корреспондентъ либеральной московской газеты и англійскіе „радикалы“. Г. Ш. говоритъ, что, по мнѣнію „Reynolds Newspaper“, всякій знающій съ произведеніями нашихъ великихъ писателей, — Гоголя, Достоевскаго, Тургенева, — не колеблется станеть на сторону русскхъ въ войнѣ. Цитирующей г. Ш., „радикальная“ газета, вѣроятно, неавтоматическою русской литературѣ, а образованнымъ русскимъ людямъ прекрасно извѣстно все, сдѣланное царскимъ правительствомъ для того, чтобы помѣшать ея развитію и какъ можно болѣе отравить существованіе лучшихъ и талантливейшихъ ея представителей. (Странно, поэтому, что г. либеральный корреспондентъ съ своей стороны не прибавилъ къ выпискѣ, сдѣланной изъ нѣтъ „Reynolds Newspaper“, „совѣстливой оговорки“, гласящей, что кто любитъ русскую литературу, тотъ *всегда и всегда* противъ русскаго правительства. Далѣе г. Ш. повторяетъ, что, несомнѣнно очень радикальное и справедливое мнѣніе, что японскій империализмъ основанъ „на страшной нищѣ массъ“. Но и оно все же не рѣшаетъ вопроса, такъ немудро затронутаго г. Ш.: видъ нашъ русскій империализмъ выдѣляется тоже не на богатствѣ массъ, какъ это извѣстно всему миру, а лучше всего самимъ „массамъ“. Человѣкъ имѣетъ право быть свѣтлымъ, но не сѣдѣетъ злоупотреблять этимъ правомъ, г. либеральный корреспондентъ

дѣнтъ положительно злоупотребляетъ имъ, цитируя, — вѣдѣтъ въ „однимъ англійскимъ изслѣдователемъ“, — слова „вѣдѣтъ шагоша и блестящаго японскаго социолога“, который говоритъ: „каждый бронеосетъ поглощаетъ сотни и тысячи рисовыхъ полей. Вотъ почему наши крестьяне не могутъ жить риса“. „Социологъ“, конечно, правъ; но г. корреспондентъ, какъ видно, позабылъ, что жими бронеосетъ, — тѣ самые бронеосетъ, которые оказались до такой степени никчемными, — тоже очень не дешево обходится русскому крестьянину, который еще рѣже, чѣмъ японскій, налѣзаетъ до сыта. Но все это только цитировка, а вотъ невѣроятно крупная, удивительно точная людка. Цитирующій изслѣдователь, — продолжаетъ г. Ш., — обращаетъ вниманіе на то обстоятельство, что этотъ (т. е. японскій) пролетаріатъ отнюдь не настроенъ такъ враждебно къ Россіи, какъ самураны или какъ консервативное деревенское населеніе. Наоборотъ, городской пролетаріатъ желаетъ жить въ мирѣ съ нами, но съ его желаніемъ не справляется. Это звучитъ не только либерально, но даже очень радикально. Однако, и это цѣлкомъ основано на выгодной для царскаго правительства путаницѣ понятій. Изъ всѣхъ элементовъ японскаго населенія не желала войны только пролетаріатъ, усвоившій себѣ социалистическія понятія. Съ мнѣніемъ этихъ пролетаріевъ дѣйствительно никто не считался. Но вѣдь г. корреспонденту не безызвѣстно, что сознательные пролетаріи существуютъ и въ Россіи. Пусть же онъ скажетъ намъ, считалось ли съ ихъ желаніемъ царское правительство, ведуще теперь войну съ Японіей? Спросило ли оно ихъ, что они думаютъ о занатіи Портъ-Артура, о захватѣ Манчжурии? „Англійскій изслѣдователь“ могъ и не знать или позабыть, а г. Ш. нравственно обязанъ былъ знать и помнить, что русскій пролетаріатъ еще гораздо болѣе безправенъ, чѣмъ японскій, и что на всѣ его желанія царское правительство отвѣчаетъ только нагайками и прикладами, штыками и пулями. Г. корреспондентъ нравственно обязанъ былъ знать, что въ борьбѣ съ революціоннымъ пролетаріатомъ и съ голодающими крестьянствомъ „христіологовъ“ русское воинство пошло очень много лавровъ. Какъ же могъ онъ могъ хотъ на мгновенье вообразить, что демократы, достойные своего названія и искренно сочувствующие трудящемуся населенію Россіи, могутъ желать побѣды тому самому правительству, которое опирается на это войско и пользуется его силой для неслыханнаго угнетенія своего собственнаго народа? Нѣтъ, если бы г. Ш. дѣйствительно захотѣлъ узнать мнѣніе современной *перевѣды* Японіи, то онъ спр-... бы, — тогда мы, на чью сторону склонился бы сознательный *междоународный социалдемократизмъ*, и тогда ему легко было бы, — ознакомившись съ мнѣніемъ теоретурой, — убедиться, что социалдемократы всѣхъ странъ — не исключая и Англіи, — безъ всякаго „огорочка“ желаютъ побѣды японскому оружію\*\*. И это вполне понятно. Не японскій микло, а русскій царь всегда служилъ надежнѣйшимъ оплотомъ европейской реакціи; не японскій микло, а русскій царь давалъ Польшу, усмиралъ Венгрію, травилъ „идиотовъ“, нарушалъ конституцію Финляндіи; не японскій микло, а русскій царь до сихъ поръ является величайшей угрозой освободительному движенію въ Европѣ. Вотъ почему представители и друзья этого движениа не могутъ желать, чтобы побѣдила царское правительство. Международная социалдемократія ни мало не склонна къ идеализаціи японскихъ порядковъ. Принципиальная противница милитаризма, она вообще не существуетъ войнѣ и знаетъ, что обидѣется японскому народу побѣда Японіи. Но знаетъ она также, что несправедливо дороже обошлась бы Россія, а съ нею и всѣй Европѣ, побѣда русскаго царя надъ Японіей. *Нѣ дождъ или она обидѣется меньше*. Это извѣстно всѣмъ тѣмъ, кто интересуется великое революціонное и единственное истинно-демократическое движениа нашего времени. И намъ совершенно непонятно, какимъ образомъ г. либеральный корреспондентъ московской газеты рѣшился умалчивать объ этомъ, заговоривъ о соувствіи къ Россіи „радикальныхъ“ элементовъ одной изъ европейскихъ странъ. Г. корреспондентъ не соизвоилъ, но онъ искалѣлъ истину, сообщивъ своимъ читателямъ лишь ничтожную и наименѣе важную ея часть. А такое искаженіе хуже лжи.

Нечего и говорить! Мы сами какъ нельзя лучше понимаемъ, что въ данномъ случаѣ истина не заключается въ себѣ ничего лестнаго для русскаго національнаго чувства. Намъ очень болѣе важно для Россіи. Но горю не поможемъ искаженіемъ истины. Чтобы помочь ему, необходимъ такая серьезная „оговорка“, которая, войдя въ нашу внутреннюю жизнь, радикально измѣнила бы роль нашей страны въ международной политикѣ. Если намъ болѣе, что наша страна представляется передовымъ парламъ другихъ странъ чѣмъ въ родѣ общевосточнаго жандарма, которому они не могутъ не желать неудачъ и пораженій, то у насъ есть лишь одинъ выходъ: мы должны какъ можно скорѣе покончить съ правительствомъ, позорившимъ насъ въ глазахъ всего цивилизованнаго мира. Нѣтъ и не можетъ быть такихъ исключительныхъ обстоятельствъ, которая позволяли бы намъ, — и, говоря „намъ“, мы имѣемъ въ виду всѣхъ тѣхъ, кому въ самомъ дѣлѣ дороги интересы и честь нашей страны, — хотя бы самое короткое время, хотя бы лишь нѣсколько шаговъ идти рядомъ съ царизмомъ. Даже и война ничего не измѣняетъ въ этомъ, потому что и во время войны интересы нашего народа ни на одну минуту не перестаютъ самымъ кореннымъ образомъ расходиться съ интересами нашего правительства. (Ѣ огромная бѣда, которая война навѣваетъ на русскій народъ, является лишь новымъ доказательствомъ того, что ему нужно какъ можно скорѣе освободиться. И чѣмъ болѣе ота-... про-...)

\* Т. е. мелкое японское дворянство.

\* Иностранныя газеты сообщаютъ, что генералъ Куропаткинъ въ дѣлной телеграммѣ, посланной имъ царю, протестуетъ противъ поведенія адмирала Алексѣева, который хотѣлъ навѣять ему планъ военныхъ дѣйствій, прямо противоположный его собственному. Г. Куропаткинъ, плану. Выходитъ, что у насъ есть не одна, а нѣсколько дѣла плановъ (у генерала Засулина былъ, помянутой, третій), и каждый изъ нихъ, вѣроятно, „строго обдуманъ“. Это полнѣйшая анархія, какъ дѣла навѣяла войну похочая на ту, которая господствовала во французской арміи во время семилѣтняго войны, т. е. въ эпоху губоубойнаго упадка неограниченной монархіи во Франціи.

\*\* Что касается Англіи, то мы рекомендуемъ г. Ш. „о лжи“ читать „Crush the Muckraker Tyranny“ въ послѣднемъ и свѣтлѣмъ органѣ Англійской Соц. Дем. Федераци „Justice“ есть на-... иао, де-...



сформировать окончательно общественное сознание. Но наша ли буржуазия, при всей своей политической наивности и моральной дряблости, не сможет не увидеть, наконец, что и Дальнему Востоку побуждают не Восток, так законченно разобщенный в отечественной самодержавии, а Запад, с его культурными и экономическими превосходствами. Она видит это и потому не может сбавить войну с Японией с ее «национальным» дьлом. Но сможет ли она сыграть по стольким-то выводам из этого положения и теперь, наконец, найти своего «национального» врага не в Токио, а в Петербурге?

Усы. Политическая развращенная, прежде чѣмъ представляла собою политическую власть, она въ полномъ смыслѣ глумилась надъ совершающеюся мировой драмой и, очертя голову, шпателью, куда могла бы скрыться отъ поставленной переѣзды, — въ самодержавіи на Востокѣ, или черезъ его трупъ — къ Западу? Вѣрайтъ жонглеру разгрома, она афишируетъ свои «патриотизмы», тѣмъ, что отдастъ народные деньги въ карманъ царскаго правителя. Дождавшись этого разгрома, она усиливаетъ собственное чувство протеста реакціонными увѣреніями въ томъ, что надо «голотить» что, «не время» наложить руку на плечо преступника, пока не минувала «опасность», т. е. пока не преступникъ у нея въ рукахъ...

Такова точка ограниченной, внутренне-противоречивой по-  
литической точки зрения либерализма. Он не прочь попытаться  
сделать свое дело «народных делами», в виде протеста про-  
тив «анти-национальной» политики самодержавия, компромис-  
сному России против цивилизованных миров. Но для этого  
он должен использовать «национальную идею», ту идею, которая  
традиционно сплеталась с идеями либерализма. Но идею на-  
ционального бытия всемирной буржуазии не может быть вы-  
сочайше одобрена от реакционной опоры, не может не отожде-  
ствиться с политикой крови и жгетов. Чтобы напастить  
своему знамени «национальную честь», надо центральных пунк-  
тов обязательного акта против самодержавия сделать его  
кажущую «национальным» интересам, т. е. — в данной исто-  
рической обстановке — неопознание, неугрозное и неэкономное  
высказывание в пользу политического самодержавия. Но  
народных масс — разорение и гнет, поджог, грабеж, раз-  
ломки, для угнетенных национальностей — беззастенчивый  
грабеж и растущее порабощение. Такого перемещения полити-  
ческого фокуса в программу либерализма вполне достаточно,  
чтобы безнадолго развратить и обезвредить его революцион-  
ную силу, и вот почему русский либерализм едва успевал по-  
нять и высоту исторической задачи борьбы за «националь-  
ную идею», и сразу же, не успевая, выкинул ее за пределы на-  
циональной реакции против оппортунистических соображений  
и, вопреки тому, что данное правительство — каково бы оно ни  
было — делает, в силу чистейшего самосохранения, то же  
самое дело, — борется, как умеет, за честь и могущество  
государства. Либерализм пал, и в своем новом падении  
не сумел предрешить интересы народных масс. И каждое новое  
обращение, сдвигавшееся о разгроме самодержавия, вносило  
в него новую неуверенность, и умир, либерализм.

Пролетарская партия оспаривала политическое положение  
договор. Свободный от забот о «национальном вели-  
чии» классового государства, свободный от всякой положитель-  
ной связи с нынешними режимом, — представляемый его  
классовый может последовательно и неуклонно рвать его  
пополам. Такова сущность его классового положения. И оди-  
нково пролетариат, в целом, оказался вне патристического  
политического положения, и в нем — в политическом — по-  
стоянно политический результат — в общем — неопределен-  
ный. Частича рабочих в патристических манифестах — ча-  
стича изъять пользу факти, большей частью — не окупил по-  
литических надежд той реакционной кампании, которая выжи-  
ла в виду разгрома социалистического рабочего движения. Если  
вспомнить отдаленные факты пролетариат не противоставил  
каким-либо политическим протестам, если, отлученный боями да  
кампаниями обуревания политической жизни, позависший нагнетания  
которой обуревания политическая жизнь, позависший нагнетания  
жизни, понесенных прошлыми делами, он не вступил еще в  
открытый бой с поднимавшей голову реакцией, — зато он, в  
своей массе только не пошел за патристическими реакцией, но  
не оторвался от своей партии, занявшей определенную при-

[illegible]

нападениям враждебной войны познания, а для людей своих идеологий — представления о жизни. Это не означает, что не стоит протестовать войны во имя международной солидарности и божьих. И протест никакого смысла, что, будь мы организованы сильнее, будь мы в состоянии организовать божье не только в отношении войны, которая соответствует его классовым интересам, принципиально формулируемым нашей программой. Но оно уже настолько отделилось от официальной России, чтобы быть исполнено воспринятым как нашей агитацией. против войны и протест ее явиючина — самодержавия. Идея не только своего положения, своей связанных с войной ответственности, но и своей ответственности, своей ответственности, своего направления. И в нынешней войне, ставшей уголовной, пунктом, из которого сплелась вся протавиризм, от которых победить и победить парият, — в нынешней войне пролетариат имеет все шансы точно и отчетливо выполнить политическую роль, которая диктуется им так хорошо с «справедливой», «божьей» теорией войны. Вымыслит ли наш партия, что не в последние годы является от нас партия.

[illegible][illegible]

# ДУРНАЯ ИГРА

[illegible]

Нашим «сопоставкам» Ивановых, ничего не стоило бы развалить нашу партию по той простой причине, что понятие о единстве здесь представляло собою «пространное» понятие, а изх големы, как мы уже знаем, ничего «пространного» отнюдь не вымышлял.

Если бы судьбы российской социалдемократии зависели от отдаленных вѣчных недорослов, то она никогда не сдѣлалась бы серьезной общественной силой. Но, как счастливо, въ ней неслись другие, *социальные* элементы: иначе она и не была бы сравнительно легкой задачей стремлений своего времени. Мы не должны забывать не только восточноевропейских, но и западных, *социальных* элементовъ, и отъ отношеній къ нимъ въ частности. Въ противовѣсъ Ивановымъ, они отъ отношеній единства и чести нашей партии не отказались.

Но вернемся къ «представителямъ». Крошечное отношеніе къ «меньшинству», ихъ смущаетъ также мое отношеніе къ ишимъ бывшимъ «экономистамъ».

[illegible]

неблагонадежности труды удачных кометовых, набожные  
христиане люди намерены спешить высказать эти самую  
кратко в то время, когда она очевидно является в  
временем собственного бесвлия. Творческие знания, то  
что вымощенное нахл нестройной обывательской толпой, не  
падает на землю и топчется в грязь при благосклонном  
удивлении старых аниматоров, лауреатами Сталинскими и А  
наева. Холостные чувства и робколикие христиан равняли  
такую-то старательную парому, что даже мудро-ро  
и в ее формах и в раздвинутом неумолимо принять,  
близко друг к другу, а не что-то неумолимо, а

Но, разумеется, уклончивая и утилитарная либеральная база организована только стылдыми утиками и киянами. Мелкая, грязная, поведение мстительных людей представляется настолько кривое и, в своем роде, замечательное явление русской общности, что мы обязаны ясно и точно определять его характер и значение в борьбе, которая называет Россию отчаянием и несчастьем самодержавия.

Первый вопрос, который возникает при записке о том, дождь нового покровительства о каждом новом адресе, по выражению Валуева, знающего толк в этой литературе, отголоски золотой оры соединяются с вивангелистской истинностью ссещаний, это — вопрос об искренности и глубине ссещаний, о том, насколько теперь, в периодическом ссещении, в такой ублажающей форме, как ссещение, попростому — это и морально и материально — шарскому и вательству. Внимание, которое сосредоточивается около этого вопроса, вполне понятно. Один только найти в отделе своего показателя степени политического развития русского общества, другие думают доказать отсутствие в России опущения настроения буржуазии, третьи пытаются подкрепить мнение большинства своим реакционным возмущением.

[illegible][illegible][illegible]





всего народа. Но есть у вас еще и другая цель, еще более низменная: грохотом пушек, блеском и шумом витшин



разду, сходился, сливался в группу, повисая с криком: «долая мать!», «долая самодерия!»... Напротив городского театра демонстраторы возмущала группа учениц эпархиального училища, которые присоединились к ним. Достигнув бульвара, масса быстро двинулась к женской гимназии и остановившись перед ней кричала: «выходите из намз на помощь!», «этти давай звать о демонстрации! больше работы! несколько стоек!» и, взяв массу отсюда, шло к школе. В этот момент в школу пришли учителя и ученицы (большая часть из них принадлежала к группе семинаристок и несколько человек реалистов), повинуясь на Пушкинскую улицу и, достигнув здания «Кредитного общества», двинулись по направлению к бульвару. У гостей были «Сверные номера» демонстраторов гнались помощники полицеймейстера Бутурез с несколькими горожанами, но они не осмелились посягнуть. Крики: «долая мать!», «долая самодерия!», «долая мать!», «долая самодерия!» — раздавались повсюду. Массе удалось прорваться. Массарам получили несильные чувствительные побои. Проникнув на бульвар, с южной стороны, демонстраторы остановились на асфальте на середине бульвара, отстраняя околочного надзирателя, встретившего их там с шашкой на-голо и с револьвером в руках. Раздался крик: «дети, звали!»; «марсельез!»; «долая мать!» и т. д. Но зная, что сайно не окупалось, никто не хотел замешать красный платок и, выйдя из толпы, двинулись к бульвару. Массе удалось пройти к самой будуваре. Но едва она успела выйти на улицу, как в нее вошли полиция по асфальту, с отрядами конных и пехотных стражников, с горожанами и пожарной командой. Стражники и полицейские с шашками на-голо ворвались на демонстраторов и начали бить. Была слеза горючая и сильно избиты, слышались Датеидзе, ученики шестого класса, который, сбившись с толпы одного стражника и повалив его на землю, вскрикнул: «дети, звали!»; «марсельез!»; «долая мать!» и т. д. Массе удалось расколоться, оставив в руках полицию товарища Датеидзе и двух учениц эпархиального училища, которые были вынуждены в это же день. Был расколотый неудачно, «почему жить реалистов?», но неудачно скоро раскололся с друзьями: сообщением: 3-го утрома, все ученики собрались к нижнему корридор с намерением послать второго звать посылить к учительской (нижнейшей) к нижнему этажу) «Марсельез!» и двинулись к городскому бульвару, где и должны были встретиться ученицы других учебных заведений. Но задуманный план не удался, т. к. полиция, заране предупрежденная о предполагаемой демонстрации, сконцентрировалась уже рано утрома своей силы у реального училища, спрятавшись в ряды стражников в близ находящегося конюшни губернатора и в подпольных этажах школы училища. Ученики утрома, достигнув второго этажа, собрались в конюшню, но, не найдя там начальство и вступив к ним, из самых ругань объяснений, мы требуем освобождения наших товарищей, преланные вымы из лпы жандармерии» говорили несколько человек. «Вот! Мы не хотим продолжать занятия из такого учебного заведения, где учителя исполняют роль полицейских агентов шпионов, где безцеремонно распоряжаются жандармы, которые засаждают и представляют на наших соображениях: «жандармы и шпионы, а не гуманными педагогами»... Директор реального училища Бакаский, выслушав такой напад, кричал, ушел в обморок. За него начал говорить инспектор Романовский, но крики «жандармы, шпионы, не хотим с вами говорить» заставали его замолчать. Тогда они обратились к священнику Цагарелишвили: «отче! Цагарелиш, кокетство было, что вышло?». И в этот момент, закричав: «жандармы, шпионы, не хотим с вами говорить», они выскочили на бульвар, крича: «долая иезуита!», «не хотим слушать иезуита!», и в словах: «чего же мы долго разговариваем с жандармами, иезуитами господ!» ушли ввысь на двор с пением «Марсельеза» но путь было преграждено им отрядами стражников, полиция хватившая из своих засад, во главе с помощником полицеймейстера Бутурез и приставом Костая. Столкновения и крики продолжались. И в этот момент, закричав: «жандармы, шпионы, не хотим с вами говорить», они выскочили на бульвар, крича: «долая иезуита!», «не хотим слушать иезуита!», и в словах: «чего же мы долго разговариваем с жандармами, иезуитами господ!» ушли ввысь на двор с пением «Марсельеза» но путь было преграждено им отрядами стражников, полиция хватившая из своих засад, во главе с помощником полицеймейстера Бутурез и приставом Костая. Столкновения и крики продолжались. И в этот момент, закричав: «жандармы, шпионы, не хотим с вами говорить», они выскочили на бульвар, крича: «долая иезуита!», «не хотим слушать иезуита!», и в словах: «чего же мы долго разговариваем с жандармами, иезуитами господ!» ушли ввысь на двор с пением «Марсельеза» но путь было преграждено им отрядами стражников, полиция хватившая из своих засад, во главе с помощником полицеймейстера Бутурез и приставом Костая. Столкновения и крики продолжались. И в этот момент, закричав: «жандармы, шпионы, не хотим с вами говорить», они выскочили на бульвар, крича: «долая иезуита!», «не хотим слушать иезуита!», и в словах: «чего же мы долго разговариваем с жандармами, иезуитами господ!» ушли ввысь на двор с пением «Марсельеза» но путь было преграждено им отрядами стражников, полиция хватившая из своих засад, во главе с помощником полицеймейстера Бутурез и приставом Костая. Столкновения и крики продолжались. И в этот момент, закричав: «жандармы, шпионы, не хотим с вами говорить», они выскочили на бульвар, крича: «долая иезуита!», «не хотим слушать иезуита!», и в словах: «чего же мы долго разговариваем с жандармами, иезуитами господ!» ушли ввысь на двор с пением «Марсельеза» но путь было преграждено им отрядами стражников, полиция хватившая из своих засад, во главе с помощником полицеймейстера Бутурез и приставом Костая. Столкновения и крики продолжались. И в этот момент, закричав: «жандармы, шпионы, не хотим с вами говорить», они выскочили на бульвар, крича: «долая иезуита!», «не хотим слушать иезуита!», и в словах: «чего же мы долго разговариваем с жандармами, иезуитами господ!» ушли ввысь на двор с пением «Марсельеза» но путь было преграждено им отрядами стражников, полиция хватившая из своих засад, во главе с помощником полицеймейстера Бутурез и приставом Костая. Столкновения и крики продолжались. И в этот момент, закричав: «жандармы, шпионы, не хотим с вами говорить», они выскочили на бульвар, крича: «долая иезуита!», «не хотим слушать иезуита!», и в словах: «чего же мы долго разговариваем с жандармами, иезуитами господ!» ушли ввысь на двор с пением «Марсельеза» но путь было преграждено им отрядами стражников, полиция хватившая из своих засад, во главе с помощником полицеймейстера Бутурез и приставом Костая. Столкновения и крики продолжались. И в этот момент, закричав: «жандармы, шпионы, не хотим с вами говорить», они выскочили на бульвар, крича: «долая иезуита!», «не хотим слушать иезуита!», и в словах: «чего же мы долго разговариваем с жандармами, иезуитами господ!» ушли ввысь на двор с пением «Марсельеза» но путь было преграждено им отрядами стражников, полиция хватившая из своих засад, во главе с помощником полицеймейстера Бутурез и приставом Костая. Столкновения и крики продолжались. И в этот момент, закричав: «жандармы, шпионы, не хотим с вами говорить», они выскочили на бульвар, крича: «долая иезуита!», «не хотим слушать иезуита!», и в словах: «чего же мы долго разговариваем с жандармами, иезуитами господ!» ушли ввысь на двор с пением «Марсельеза» но путь было преграждено им отрядами стражников, полиция хватившая из своих засад, во главе с помощником полицеймейстера Бутурез и приставом Костая. Столкновения и крики продолжались. И в этот момент, закричав: «жандармы, шпионы, не хотим с вами говорить», они выскочили на бульвар, крича: «долая иезуита!», «не хотим слушать иезуита!», и в словах: «чего же мы долго разговариваем с жандармами, иезуитами господ!» ушли ввысь на двор с пением «Марсельеза» но путь было преграждено им отрядами стражников, полиция хватившая из своих засад, во главе с помощником полицеймейстера Бутурез и приставом Костая. Столкновения и крики продолжались. И в этот момент, закричав: «жандармы, шпионы, не хотим с вами говорить», они выскочили на бульвар, крича: «долая иезуита!», «не хотим слушать иезуита!», и в словах: «чего же мы долго разговариваем с жандармами, иезуитами господ!» ушли ввысь на двор с пением «Марсельеза» но путь было преграждено им отрядами стражников, полиция хватившая из своих засад, во главе с помощником полицеймейстера Бутурез и приставом Костая. Столкновения и крики продолжались. И в этот момент, закричав: «жандармы, шпионы, не хотим с вами говорить», они выскочили на бульвар, крича: «долая иезуита!», «не хотим слушать иезуита!», и в словах: «чего же мы долго разговариваем с жандармами, иезуитами господ!» ушли ввысь на двор с пением «Марсельеза» но путь было преграждено им отрядами стражников, полиция хватившая из своих засад, во главе с помощником полицеймейстера Бутурез и приставом Костая. Столкновения и крики продолжались. И в этот момент, закричав: «жандармы, шпионы, не хотим с вами говорить», они выскочили на бульвар, крича: «долая иезуита!», «не хотим слушать иезуита!», и в словах: «чего же мы долго разговариваем с жандармами, иезуитами господ!» ушли ввысь на двор с пением «Марсельеза» но путь было преграждено им отрядами стражников, полиция хватившая из своих засад, во главе с помощником полицеймейстера Бутурез и приставом Костая. Столкновения и крики продолжались. И в этот момент, закричав: «жандармы, шпионы, не хотим с вами говорить», они выскочили на бульвар, крича: «долая иезуита!», «не хотим слушать иезуита!», и в словах: «чего же мы долго разговариваем с жандармами, иезуитами господ!» ушли ввысь на двор с пением «Марсельеза» но путь было преграждено им отрядами стражников, полиция хватившая из своих засад, во главе с помощником полицеймейстера Бутурез и приставом Костая. Столкновения и крики продолжались. И в этот момент, закричав: «жандармы, шпионы, не хотим с вами говорить», они выскочили на бульвар, крича: «долая иезуита!», «не хотим слушать иезуита!», и в словах: «чего же мы долго разговариваем с жандармами, иезуитами господ!» ушли ввысь на двор с пением «Марсельеза» но путь было преграждено им отрядами стражников, полиция хватившая из своих засад, во главе с помощником полицеймейстера Бутурез и приставом Костая. Столкновения и крики продолжались. И в этот момент, закричав: «жандармы, шпионы, не хотим с вами говорить», они выскочили на бульвар, крича: «долая иезуита!», «не хотим слушать иезуита!», и в словах: «чего же мы долго разговариваем с жандармами, иезуитами господ!» ушли ввысь на двор с пением «Марсельеза» но путь было преграждено им отрядами стражников, полиция хватившая из своих засад, во главе с помощником полицеймейстера Бутурез и приставом Костая. Столкновения и крики продолжались. И в этот момент, закричав: «жандармы, шпионы, не хотим с вами говорить», они выскочили на бульвар, крича: «долая иезуита!», «не хотим слушать иезуита!», и в словах: «чего же мы долго разговариваем с жандармами, иезуитами господ!» ушли ввысь на двор с пением «Марсельеза» но путь было преграждено им отрядами стражников, полиция хватившая из своих засад, во главе с помощником полицеймейстера Бутурез и приставом Костая. Столкновения и крики продолжались. И в этот момент, закричав: «жандармы, шпионы, не хотим с вами говорить», они выскочили на бульвар, крича: «долая иезуита!», «не хотим слушать иезуита!», и в словах: «чего же мы долго разговариваем с жандармами, иезуитами господ!» ушли ввысь на двор с пением «Марсельеза» но путь было преграждено им отрядами стражников, полиция хватившая из своих засад, во главе с помощником полицеймейстера Бутурез и приставом Костая. Столкновения и крики продолжались. И в этот момент, закричав: «жандармы, шпионы, не хотим с вами говорить», они выскочили на бульвар, крича: «долая иезуита!», «не хотим слушать иезуита!», и в словах: «чего же мы долго разговариваем с жандармами, иезуитами господ!» ушли ввысь на двор с пением «Марсельеза» но путь было преграждено им отрядами стражников, полиция хватившая из своих засад, во главе с помощником полицеймейстера Бутурез и приставом Костая. Столкновения и крики продолжались. И в этот момент, закричав: «жандармы, шпионы, не хотим с вами говорить», они выскочили на бульвар, крича: «долая иезуита!», «не хотим слушать иезуита!», и в словах: «чего же мы долго разговариваем с жандармами,

**Петербург** (корреспонденция с Северного союза учащихся средних школ). Пробуждение общественной мысли, подъем общественного настроения, начавшийся в середине девятых годов, не прошел бесследно и для средних школ. Жизнь поставила перед учащимися целый ряд вопросов, желание разобраться в пестрых явлениях современности толкнуло их к кружковой работе, но первые годы этой работы носили узкий характер замкнутости и изолированности.

Участники кружковъ съто охранили свои мысли от посторонняго „неожиданнаго“ широкая масса учащихся осталась въ видъ испугаго водовдвствя. Въ ноябрѣ 1907 года возникла въ Петербургѣ организація среднихъ учебныхъ заведеній, болшинство кружковъ обмолчалось, но существеннаго влывленія на нихъ не оказало. Отношеніе къ ней было равнодушно, продолжали существовать, все, что создавалось петербургскими организаціями, все это предначиналось для определенной, довольно значительной группы „участниковъ“ казны, избавленія, организація и т. п. Только въ прошломъ году петербургская организація сонала свою ошибку. Поамтъ бтрного общаго собранія 10 декабря 1908 года характеръ организаціи рѣшено изменить. Оказалось, что организація имѣетъ нѣсколько правыхъ, а именно: 1) выработка твердыхъ учебныхъ идеаловъ... Выходъ этого списка является важнѣйшимъ моментомъ въ развитіи среднешкольнаго движенія въ Петербургѣ. Движеніе выходитъ за пределы кружка и захватываетъ широкую массу учащихся. Кружковая работа оканчивается, число организованныхъ учащихся сильно возрастаетъ, среди неорганизованныхъ учащихся начинается работа кружковъ, кружковая работа развивается. Иттеніе 1902-1903 учебного года организаціе было введено два номера журнала „Къ свѣту“ и четыре листка, удерживающае еще замкнутость въ кружкахъ, громадностью организованнаго механизма и выборное начало въ исполнительные органы все это тормозило дѣйствіе организаціи въ якорномъ, при томъ по полному краю моего дѣла. Въ ноябрѣ 1903 года „организация“ перестала существовать, въ ноябрѣ 1904 года возникла „начало“ роста, разрабатываясь „Свердловскій кружокъ“ школы... Обстоятельства насъ заставили выступить съ открытымъ протестомъ въ то время, какъ разсужденіе вопросовъ тактики, программы и организаціи хотя и приближалось къ концу, но далеко еще не было закончено. 10 ноября комитетъ организаціи дѣла демократическія похороны гимназиста Баккина, окончательно разрываетъ связь между школами и кружками, прекращаетъ деятельность учащихся, значительно облегчая организацию и пропагандистскую работу соуса. Подробная программа соуса появилась 19 декабря. „Обострившимся за послѣднее время революціоннаго бурьяна, говорить программа, требуетъ часто сильнаго напряженія всѣхъ агитаціонныхъ силъ, благодаря чему происходитъ привлеченіе къ работѣ даже лицъ, только что окончившихъ среднюю школу, необходимо, чтобы эти лица были продуктивны въ своей деятельности, поэтому задача настоящей работы была продуктны не натруженіи, а убѣжденіи“. Главная цѣль соуса — выработка въ учащихся твердыхъ убѣжденій, сре-

ства из этого — кружковая работа, полугодовая научная конференция и развлекательная широкое поле критики в газетах; издание журнала и листовки, посвященные явления общественной жизни, которые могли бы пройти незамеченными; не позволять на столбах легальной печати; содействовать академическому борению учащихся — пусть учащиеся привыкнут бороться за свою подавленную личность, пусть борются за сохранение своей индивидуальности, пусть реагируют на каждое проявление несправедливости и насилия. Человек, с детства привыкший «клонить голову, когда пошевелит ее в ее длинной жизни», должен привыкнуть к мысли и к действию. Он должен привыкнуть воспринимать только кармы послушных холопов и лакеев». «Но, кто ставит ей всякой паритетности, считая, что таковая только неукреплен, но и нежелательна въ пределах среднего школьного движения».

В период с 10 ноября 1903 года по 20 февраля 1904 года, когда выпущены два номера журнала «Среды борьбы» (кабрь-январь, январь-февраль) и 10 летучих листовок: № 1 «Мужество», № 2 «Мужество», № 3 «Проще стуж, чем Дикхофа», привлекавшегося от ответственности по делу демонстрации на похоронах Бажина, № 4 «Программа союза», № 5 «Закрываете «Русскую землю» и ставите на продажу», № 6 «Получите образование», № 7 «Господский сад», № 8 «Тверское земство», № 8 «Японская война», № 9 «Станка из Гродно», № 10 «К 13-летию годовщины освобождения крестьян». Листки и журнал выдаются на минимуме и распространяются среди учащихся в количестве 350-400 экземпляров.

11 января жандармы в поисках за Сьеренским союзом: хвятили собрание 14 гимназистов, все были арестованы, четыре человека просидело три дня, семь человек — неделю, два человека — две недели, один содержился под стражей до сих пор. Попухин потворился хвастаться, что весь комитетский союз пойман. После ареста 14 вышли листки №№ 6, 7, 8, 9, 10 и один номер журнала. 11 марта 1904 года

[illegible]

**Харьков.** 18 февраля случился из мелиораторских компаний Харькова таинственный пожар, который угрожал этому году и коммуністическому хозяйству. Пожар начался в одном из помещений для угля, находящихся около входа в коридоры одна из горящих нашла пакет незаметной литературы (использовала этот пакет для хранения своих вещей) и при этом не заметила, что пакет был вынут, а пакет, который она нашла, был вынут. В результате этого пожара, который произошел в одном из помещений для угля, находящихся около входа в коридоры, была уничтожена литература, которая была вынута из помещений для угля, находящихся около входа в коридоры. В результате этого пожара, который произошел в одном из помещений для угля, находящихся около входа в коридоры, была уничтожена литература, которая была вынута из помещений для угля, находящихся около входа в коридоры.

Асхабады. У нас разыгрались две драмы. Одна, уже вступая на газет, состоит в том, что генерал-майор Ковалев, начальник казачьей дивизии, под предлогом лечения повзвал к себе на квартиру старшего врача Среднеазиатской желѣзной дороги Забуса и велѣлъ казакѣмъ выстрѣлить его. Казаки исполнили приказаніе. Дѣло передано прокурору. Другая драма такова: казакъ Есалуевъ, подчиненный Ковалеву, высѣкъ жене полковника Гомуша, убѣжавшаго на Дальній Востокъ. Все гражданское общество глубоко возмущено этими бытіями, но военные въ большинствѣ относятся къ генералу совершенно снисходительно.

**Ташкент.** Из частного письма. В нашем крае есть готовящаяся войн. Со дня на день ждем призыва в полк, который будет двинуть в Афганистан против Англии.

**Екатеринбург.** Аресты у нас продолжаются. На прошлой неделе в. е. начал аресты опытные арестовали нескольких рабочих, между прочим Андриановича и Швентко. Языков арестовали, «судя злого по малому и злого по большому».

**Владивосток.** В городе объявление: «вступая сегод.», нового года на квартир освобожденно уже на туре портового Горлода. Дно ведется домашним жаркимским и рынком. Арестованных допрашивают на квартир подполковника Соколова: против арестованных решительно не имеют удачи, при том, что некоторые из них, да пендены, что в тюрьме, что в тюрьме, что в тюрьме.

Полпозловники Соловьев велел съехать и, очевидно, в та-  
ких случаях, пользуясь давлением тюремного режима,  
арестованным, создать первое из Екатеринбургских рабочих де-  
л. Кстати сказать, тюремные порядки из екатеринбургской тюрьмы  
отличаются тоже своей патриархальностью. Арестованным  
давать свиданий, они не имеют права пользоваться книгами  
табачком, знакомым, не позволяют передавать съестные при-  
пасы и деньги. Брать и кланяться расправа смотрителя Са-  
кова с уголовными вошла в систему. Прокурорский надзор  
совершенно не вмешивается в тюремные порядки. К пе-  
вому апреля в тюрьму было 20 политических.

Аресты и обыски здесь почти исключительно происходили среди рабочих. Изъ интеллигентовъ былъ только обыскъ недавно прѣбывавшей въ Екатеринодарѣ Ц. Мартыновской, н извѣстно чѣмъ вызванный.

[illegible]

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНІЯ  
И  
ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВ

**Баршава.** Цитку нецкая до первого мая (т. е. в город чувствовалось какое то напряженное состояние. Появился отряд милиции, получила аркашение во что бы то ни стало не допустить демонстрации. Полнейший надзор был усилен, число городов — увеличено, — по городу стала расхаживать в сопровождении сторожей, вооруженных дубинами, штырями толпами шпона. Во всех газетах и по всему городу было опубликовано постановление о запрещении сколачивать и пр. Правительство хотело избежать демонстраций, но ввиду угрозы на войну у него не хватало сил повелевать и помешать наступлению революционного пролетариата — поощрять ему открыто протестовать против царского гнета. Это ему, однако, не удалось. На организацию пришла в день первого мая устроить демонстрацию и целый мѣсяц вела усиленную майскую агитацию среди рабочего пролетариата. Я городом и в самом городе устроились массовые агитационные собрания, на которых разбрасывались листовки. Распространены были в тысячах экземпляров прокламация: «Прокламация рабочих и крестьян к рабочим и крестьянам к демонстрации. Прокламация эта, какъ в десятках тысяч экземпляров, пригласиющая на демонстрацию, были распространены в виде листов (фотографий). Несмотря на массовую агитацию, прокламация была распространена очень удачно; расклеены уличамъ, на фабричных воротах разбросаны по мастеровским фабрикам и уличамъ. Знатие листов фотографий въ Частномъ предѣлѣ Баршавы и возмущенное сопротивление товарищамъ, которые не желали участвовать въ демонстрациях, не могли спасти жулики. Среди буржуазии ходил слухъ, что въ солдаты были призваны къ первому мая. Убѣждая друг друга не посылать въ этотъ день въ городъ, особенно на Маршалковской улицѣ

[illegible]

<sup>1)</sup> Характерно, что в прошлом году среди демонстрантов был большой процент еврейских рабочих, в этом году наоборот: нееврейских было гораздо больше.



Типографія ПАРТІН. Genève, Rue de la Coulouvrenière. 27.